Бакинский рабочий 2005. - 6 мая №87.

АНАР

ПРОСТЫЕ ИСТИНЫ ФИКРЕТА ГОДЖИ

8 МАЯ ПОЭТУ ИСПОЛНЯЕТСЯ 70 ЛЕТ

Фикрет Годжа — один из ярчайших творцов нашей современной поэзии.

Последний по времени сборник его стихов вышел в канун XXI века — после десятилетнего перерыва.

Порой слышишь унылые причитания, дескать, в последний период в азербайджанской литературе не появляются значимые произведения. Это либо заблуждение неведающих, либо же заведомая ложь.

Убедительное опровержение этой лжи — «Простые истины» (стихи и поэма), занявшие заслуженное место в ряду высоких образцов нашей современной поэзии.

С первого знакомства с Фикретом «на заре туманной юности», когда он не был «годжой» — ни с малой буквы, ни «Годжой» — с большой, я видел и вижу его всегда как поэта с «лица необщим выраженьем», с оригинальным незаурядным талантом, как неизменно надежного друга, как личность, всегда сохраняющую свое достоинство, высокую культуру интеллигента, честь гражданина.

Поэт и ныне остался верен всем этим качествам — по прошествии сорока—сорока пяти лет. Он все тот же Фикрет — с его болью, печалями, тревогами, с тонким юмором, иронией, усмешливостью... Начну с юмора:

Воздев к судьбе взыскующие руки,
Всяк сетует: «Мне мало благ досталось!»
Насчет ума не жалуются други,
Его-то всем уж поровну досталось...

Одно из примечательных и удивительных свойств стиля Фикрета, — когда он пишет о серьезнейших, даже трагических вещах, мы ощущаем его грустную улыбку.

О великом Федерико Гарсиа Лорке написано немало; много поэтических отзвуков на его трагическую гибель. Фикрет также обратился к этой теме, но воплотил ее в форме, не похожей ни на одно из поэтических посвящений.

В этом печальном стихотворении — горчайшая ирония, страдальческая улыбка:

Лорка ворчал:
Ливень и слякоть,
будто не нашлось
погожих дней.
Разве в такую погоду
расстреливают людей?
Офицер в ответ:
— Блажен ты, поэт.
Ты можешь ворчать.
Ругать приказы.
А нам — молчать.
Тебе-то что... а нам еще
ехать восвояси.

И в то же время из-под пера поэта выходят классически изящные рубаи, поэтические жемчужины, емкие по смыслу, лаконичные, как наши баяты, как японские хокку.

В новейших его стихах — и ритмическая раскованная стихия давнишнего «Вальса», и гражданская дерзновенность столь же давнего «Риска»...

Я бы сказал: Фикрет — все тот же Фикрет, если бы он не представал в новых стихах совершенно новыми преломлениями.

Последние десять лет двадцатого века, помимо изрядной прибавки к нашему возрасту, кажется, состарили само время, не на десяток, а целое столетье... Мы за это десятилетие пережили целый век.

Мир совершенно изменился; общество, в котором мы жили, режим, строй... все кардинально изменилось; название страны, означенное в наших паспортах, кануло в Лету. Мы причастились к неведомому счастью — быть гражданином нашего суверенного государства, выходить в мир с паспортом своей страны, просыпаться под звуки своего национального гимна, жить под сенью своего стяга. Но мы пережили и боль тягчайших утрат — боль человеческих жертв и потери земли.

В стихах Фикрета — крик души художника, всем своим существом вобравшего в себя эту боль, пережившего ее каждым нервом.

Я не встречал в нашей современной поэзии столь пронзительно-щемящего выражения трагедии беженцев, как в стихотворении Фикрета «Беженка-молодушка»:

Летовать бы пора селянам,
А пришлось бедовать.
В пекле мыкаться по аранам,
Солью раны посыпать.
А тоска твоя в доме покинутом
С холодянкой довгу помешивает.
А земля твоя в крае отринутом
Волком воет в ночи кромешные.
А дорога до дому неблизкая.
Это горе в вагон не втиснешь.
На эйване книжку брошенную
Ветерок перелистывает.
А в пощине, у тропки исхоженной,
Плачет ключ — неистово.
Где-то люлька пустая качается.
Кому чается, вспоминается?..
«О, края мои растолоченные,
Ворота мои развороченные,
Застегни ворот, застегни,
Пуговки свои раззолоченные...»

Некоторые строки этого пронзительного стихотворения вызвали в памяти горестные жалобы Нигяр из дастана «Керогглы»:

Мне на сирый кров глядеть,
Сердцем стынуть, холодеть...
Некому лелеять люльку,
Колыбельную пропеть.

Заброшенная зыбка, которую колышет чья-то тоскливая мечта, книжонка на эйване, перелистываемая ветром в стихотворении Фикрета, как и детали в жалобной исповеди Нигяр, — выражение живой человеческой тоски посредством одушевления неодушевленных предметов, порождающее магию искусства.

Карабахская трагедия, отвага бойца Азербайджана с нашим триколором в руке, бесстрашно глядящего в глаза смерти, «Родина, идущая к свободе «шехид за шехидом, шаг за шагом», сплоченность народов и граждан, живущих в Азербайджане, — мучительные темы, печальные исповеди поэзии Фикрета Годжи.

Идет охота на людей.
В одной стране — кто на броне,
На танках, с пушками и авиа,
И прут машины лавою,
И плачут дети с матерями,
И старики поникли в горе...
...Когда у сильных засосет
под ложечкой,

Не грех в народец пострелять
немножечко.
...Как нас в девяностом году,
Теперь этих горцев — ату...

Конечно, в приснопамятном прошлом такие стихи не могли появиться. Во-первых, тогда еще не разразились эти ужасающие события. Во-вторых, вообще писать о подобных страшных событиях было заказано. Поэзии полагалось внушать оптимистические чувства и светлые мысли, воспевать положительного героя, могущего служить примером. Писать о печалях, об одиночестве человека, о смерти-погибели не поощрялось и возбранялось, так же и поэтические разговоры о Боге встречались в штыки безбожными идеологами.

Фикрет Годжа был одним из тех, кто не считался с табу, кто подрывал, нарушал, попирал цензурные запреты. Но ему было недостаточно оставаться в кругу ранее запрещенных тем, когда время сбросило с арены режим и его идеологические постулаты. Конечно, он не прошел мимо и тем, получивших право свободного воплощения. Писал он и об одиночестве:

Порою в многолюдье задыхаюсь,
Хочу бежать из города, отчаясь,
Бежать друзей, знакомцев и родни.
Поговорить с самим собой о многом,
Коль выпадет минута ненароком...

Или:

Со дня сотворения света
Кружится эта планета,
Кому выпадает паренье,
Кому выпадает горенье,
Вселенная с первых пророчеств
Глаголет из уст одиночеств,
Будь дерево, что у дороги,
И все одинокие Боги.

Писал Фикрет и о смерти:

Стоит и ждет.
И на плечах по ангелу.
Над головой —
владенья Предвечного.
Глаз — на прицеле.
Рука — на курке.
Уставились на встречного
иль поперечного.
Вот он явился, ни о чем не ведая.
За ним дороги пройденные.
Мечтанья — впереди.
Мурлыкает под нос мелодию.
Со дня рожденья — Бог велик —
Готов наш роковой вердикт...

Об Аллахе:

Нет, эти слезы не из наших глаз,
Над городом ли небо прохудилось?
Наверно, что-то в небесах случилось.
И сам Аллах оплакивает нас...

Еще — обращение ко Всевышнему:

Пускай стезя постылой и немилой
Не кажется Тебе на небеси!

В час роковой, о Господи, помилуй
Народ мой, от злосчастия спаси!

Земля — и колыбель нам, и могила,
Достойный сын прибавит чести нам.

Уйми врага, дай нам душевной силы,
Не дай расти жестокими сынам.

Грядущее туманами клубится.
Туман с очей и в головах рассей.

Яви нам путь, чтоб после не стыдиться
Истории взыскующей своей!

Однако Фикрет, не зацикливаясь на темах одиночества, бренности бытия, смерти, не стал заложником и теологических медитаций. Его поэзия сохраняет широту содержания, эмоциональной гаммы и мыслительного горизонта; ритмическую полифонию, гармонию и лад строк, ставших или достойных стать песнями; многообразие интонаций и красок, от строгого сказа до легкого, озорного, шутливого тона.

Создавая совершенные стихи и в традиционной просодии «хеджа», и в метрике «аруз», Фикрет сохранил верность и «первой любви» поэтической молодости — свободному стиху.

Поэтическое «я» Фикрета обогащалось, углублялось не только проблемами пережитого периода, но и эволюцией мировидения и мировосприятия, проистекающей из особенностей возраста.

К любовной лирике, как и раньше, проникновенной и искренней, прибавился и оттенок чуток усталой мудрости, нотки сожаления, порожденного неумолимым бегом времени и быстротекущей жизнью.

Любовь — древнейшая религия.
Ей верой быть всесветной.
Вот лучшая от нас реликвия
В юдоли жизни смертной.
Не подвергай невежд, о Боже,
Напасти сей прекрасной.

В отличие от поэтических воплощений прежних периодов, Фикрет чаще задумывается и пишет о старости, о конечности отпущенного земного срока, о бренности бытия. Но черта, общая для мироощущения прежних и нынешних лет в мужественном приятии жизни, при всей неумолимости ее движения.

И даже, затрагивая столь серьезные материи, он не упускает случая разрядить напряжение улыбкой:

Теперь-то дорога к исходу,
Дела — через пень-колоду,
Любой миг — шажочек к отходу,
Так и шагая, старею.

Мне путь перекрыла старость,
Знаю, что старость — не радость,
Знаю, постыла старость,
Знаю, и зная старею.

Знакомые из классической восточной поэзии суждения о бренности бытия, о преходящем караване жизни, о мире-каравансарае в стихах Фикрета Годжи — не книжные реминисценции, не перепевы заемных мыслей, а собственным опытом порожденные умозаключения, и он остается самобытным в их выражении:

Восходит ли солнце, снега ли метут,
Весенняя рань ли, дожди ли грядут,
И горечь, и сладость летящих минут,
Все то, что земную жизнь знаменует,
Все сущее в мире, что жизнью зовут,
Ее проникает, придет и минует...

Или:

Былое — было, было — сплыло.
Мир — не мираж, не блажь уже!
Все, что минуло, — позади,
Былого не вернешь уже.

Скольких друзей я потерял,
И недругов ушло немало.
Здесь остается тень моя,
А с ними суть моя отпала.

Отныне путь — на перевал.
Легка поклажа, я управлюсь.
И жизнь — как миг. Окончен бал.
Пришел, познал, пойду, преставлюсь...

Что может утешить человека при мысли о бренности бытия, о неотвратимости рока?

Фикрет Годжа, не приемлющий тривиального речения — «живем пять дней...» — говорит:

Два дня дается нам на свете,
Один — в слезах, другой — в веселье.
И утешенье нам доселе —
Чередованье круговерти.

Но, думается, «утешенье» поэта — не только в декларируемой в одноименном стихотворении мысли. Он ищет истинное, высокое утешение в ином, ищет и находит в «Песне человека»:

...И было вначале не слово, а песня,
Потом уже голос облекся в слова.
Поют первозданно под сводом небесным
И ветер, и воды, листва и трава.

Фикрет умеет передать, озвучить эту первозданную музыку природы самыми трепетными, самыми тонкими словами родной речи:

Тучи на море нашли.
Морю в ливне искупаться.
И до капли с поднебесья
Только рыбкам докопаться.

Тучи к морю прибежали,
Налились слезами с горя,
Нет укромного местечка
Чтоб поплакать, кроме моря.

Искусство превращать в слово, песню, поэзию самые затаенные, сокровеннейшие, неуследимые наития и настроения окружающего мира, живой природы — тучи, капли, моря, листвы, ветра и самого человека — это дар Божий, это и миссия Поэта на земле, это и вечное утешение его.

Как мир сотворен божьим Словом, так и живет он Словом.

И стало быть, и возвещающие Слово, и внимающие Слову причащаются к вечности.

Вот уже полвека Фикрет Годжа с честью выполняет выпавшую ему миссию творца, хранителя и обновителя Слова. Поэзия Фикрета, смоподу избравшего себе псевдоним «Годжа» («Старый»), еще раз убеждает, что он поныне остается молодым духом и душой в нашей поэзии. И это отрадное утешение — не только для него, но и для всех нас.

Перевод
Сиявуша МАМЕДЗАДЕ.

И.О. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА